

«Любовь — по велению сердца
или по иронии судьбы?»
Shelf Awareness



ЛОРЕН МОРРИЛЛ

trendbooks

Лорен Моррилл

Созданы друг для друга

«CLEVER»

2012

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Моррилл Л.

Созданы друг для друга / Л. Моррилл — «CLEVER»,
2012 — (trendbooks)

Семнадцатилетняя Джулия верит в книги, судьбу и любовь. Она верит, что есть люди, которые созданы друг для друга, и у каждого человека в мире есть идеальная вторая половинка. Ее вторая половинка – Марк Биксфорд. Просто он еще об этом не знает. Но как тогда быть с Крисом, ее загадочным другом по переписке? И почему нарушитель школьного спокойствия Джейсон Липпинкотт никак не выходит у нее из головы? Кажется, весенние каникулы в Лондоне кого угодно сведут с ума! Особенно когда нужно выбирать: прогулки в Гайд-парке или шумные вечеринки под музыку «Битлз»? Одна любовь на всю жизнь или новые знакомства?

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

© Моррилл Л., 2012
© CLEVER, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Л. Моррилл

Созданы друг для друга

Оригинальное название: MEANT TO BE

Text Copyright © 2012 by Paper Lantern Lit, LLC

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

* * *

Ингер Сьостром – за вдохновение и поддержку

Глава 1

Унижение на высоте

«Суперского путешествия, оторвись там как следует! Не будь занудой, как я. Ф.».

В МИРЕ ПОЛНО ОТСТОЙНЫХ вещей. Залить миску любимых хлопьев Lucky Charms молоком и только потом заметить, что оно прокисло. То, как звучит слово «сырость». Споткнуться и влететь лицом прямо в тарелку с едой перед всей командой по лакроссу...

– Атака пернатых!

Лететь в одном самолете с Джейсоном Липпинкоттом тоже отстой.

Через два ряда от меня Джейсон воздевает руки к небу, изображая молитву, пока наш самолет болтается вверх-вниз, как на тарзанке. Не то чтобы я знала, каково это – прыгать с тарзанкой, я скорее приму участие в соревновании по правописанию в одних трусах, чем добровольно спрыгну с веревкой вокруг ног. За соревнование я хоть медаль получу.

Самолет резко проваливается на несколько десятков (сотен?) метров, и я впиваюсь обеими руками в подлокотники. Может, молитвы Джейсона и шутка, а вот мои очень-очень искренние: «Господи, прошу, пусть наш самолет благополучно приземлится в Лондоне... А пока мы летим, может, ты найдешь способ заткнуть Джейсона?»

Ненавижу летать. Честно. НЕНАВИЖУ. ЭТО. Нестись в металлической коробке на сверхсветовой скорости сквозь облака – просто безумие. С таким же успехом можно запускать людей через океан из огромной рогатки. Я засовываю томик Шекспира в карман впереди стоящего кресла и аккуратно складываю стопку журналов на откидном столике.

– Снижаемся! – Опять Джейсон, естественно. Самолет подкидывает сильнее, чем в прошлый раз, и мои колени врезаются в столик. Открытая пачка орешков и стопка журналов летят в проход. Я опять инстинктивно хватаюсь за подлокотники, и мой сосед-бизнесмен взвизгивает от боли. Упс! Это был не подлокотник. А его нога. (А ведь мне сразу показалось, что подлокотник какой-то мягкий.) Я бормочу извинения и вцепляюсь своей кунг-фу-хваткой в настоящий подлокотник.

Дыши. Дыши. Я закрываю глаза и стараюсь представить Марка. Почему-то первая картинка, которая всплывает в сознании, – его фото в классном альбоме. У Марка безупречные черты лица, как у модели. Белоснежная широкая улыбка с идеально ровными зубами, кроме одного, третьего от центра: этот зуб стоит немного криво, но мне нравится, потому что благодаря ему все остальные кажутся еще ровнее. Густые волнистые каштановые волосы всегда лежат красиво, слегка небрежно, но не слишком и без противных жирных или липких средств для укладки. Идеальные, как и он сам. Я наконец немного успокаиваюсь, представляя, что лечу через океан на спине маленькой певчей птички, а не в бугристом кресле с полиэстеровым чехлом, пристегнутая ремнем безопасности.

Вдруг Джейсон вопит: «Бу-у-ух-у-у-у!» – и мой дзен, созданный благодаря Марку, рассыпается. Я выпрямляюсь в кресле. Джейсон вскинул руки вверх, как на американских горках. Симпатичная стюардесса бесшумно подходит к нему. Отлично. Если богу не под силу заткнуть Джейсону рот, то, может, хоть ей удастся.

Вытягиваю шею в предвкушении – хочу в полной мере насладиться выволочкой, которая вот-вот светит Джейсону. Но вместо этого стюардесса протягивает ему салфетку, Джейсон разворачивает ее, там пара печений с шоколадной крошкой. Он берет их осторожно – видимо, они еще горячие. Стюардесса широко улыбается Джейсону. Он что-то говорит ей, и она смеется. Он ведет себя как придурок и все равно получает первоклассное угощение!

– О боже! Ну он дает! Разве не прелесть? – Это Сара Финдер, главная сплетница школы «Ньютон-Норд». Сара пихает в бок свою соседку Иви Эльстон, кивая на Джейсона.

– Да! Он милый! А что, говорят, со Скарлетт у них все, да?

– Давным-давно все. Они уже несколько недель как расстались.

Уж Сара-то знает. Сара всегда все про всех знает. За три часа и двадцать семь минут, что мы в воздухе, Сара и Иви перемыли кости всем. (Кроме меня, потому что последний раз повод обсуждать меня был в восьмом классе, когда Брайан Холломан прикрепил скотчем розу из фетра к моему шкафчику на День святого Валентина. И всех это заинтересовало лишь потому, что на следующий день выяснилось: роза вообще-то предназначалась для Стефани Келли.) Благодаря моей удачной позиции – прямо за Сарой – я теперь в курсе того, что Эмбер Райли, похоже, сделала пластику носа, что Роба Дайамоса временно отстранили от занятий из-за курения в подсобке, что бедная Лора Робертс стала всеобщим посмешищем: она хвасталась всем, что вот-вот получит в подарок новенький «рендж-ровер», а в итоге мать отдала ей свою старую «хонду».

– Думаешь, он теперь весь такой бедный и несчастный? И ищет себе кого-нибудь? – У Иви огромной рот, да и вообще черты лица крупные, и она долго тянет гласные.

– Вряд ли, – ответила Сара. И добавила, понизив голос: – Он говорил как-то, что его следующая цель – стать членом клуба высокого полета.

– Что, серьезно? Это ведь... ну то есть... когда двое делают это в самолете? – Голос Иви взлетел до октавы Мэрайи Кэри то ли от удивления, то ли от желания предложить себя в качестве партнера.

– Тише ты! И да. Сто процентов. Ты же его знаешь. Он такой, – шепотом ответила Сара.

Фу-у! Я молча молю Бога, чтобы он, пока занимается поддержанием нашего самолета в воздухе, добавил Сару и Иви к списку тех, кого стоило бы отправить в режим «Беззвучно». То есть я, конечно, не из тех ханжей, что думают, что секс в подростковом возрасте равносителен смертному греху или социальному самоубийству. С сексом у меня нет никаких проблем. Его в моей жизни вообще пока нет. Но если бы и был, то уж точно не в туалете самолета. Да кто в своем уме вообще захочет заниматься этим в таком тесном и грязном месте?

Я закрываю глаза и пытаюсь снова представить Марка. Но резкий голос Сары продолжает врезаться в мое сознание, как те дурацкие суперострые ножи, не требующие заточки, из рекламы магазина на диване: разрезают консервные банки, ботинки и грезы.

Поскольку воображаемый Марк, очевидно, не может составить мне компанию, остается лишь один способ заглушить главных сплетниц «Ньютон-Норд» и отогнать жуткие мысли об авиакатастрофе. Я достаю айпод из фиолетовой кожаной сумки, лежащей под сиденьем, распутываю наушники и включаю расслабляющую музыку. (Сейчас мне больше всего подходит Хэйвард Уильямс. У него голос – будто в блендере смешали сливочное масло и гравий.) Но, надевая наушники, я обнаруживаю что-то мокрое и липкое в волосах. Я хватаюсь за хвост, подношу его кончик к глазам и вижу комоч виноградной жвачки.

Сзади раздается хохот, я оборачиваюсь – мальчишка лет семи в футболке с Баззом Лайтером злобно улыбается. Его мама мирно спит в соседнем кресле.

– Это ты?! – в ярости шиплю я и трясую своим хвостом.

– У-упс! – говорит парень и снова хохочет, как бесенок. Его толстые покрасневшие щеки подпрыгивают, а светлые кудряшки стали влажными от пота.

Детей определенно надо добавить в список того, что я ненавижу. Полеты и детей. Несколько минут я дергаю волосы в разные стороны и пытаюсь аккуратно вытащить жвачку по кусочкам (одновременно благодаря родителей за то, что я единственный ребенок в семье), но становится ясно: несмотря на горящий значок «Пристегните ремни», мне придется встать с места и пойти в туалет.

Я не хожу в туалет в самолете. Это мое железное правило. А я стараюсь никогда не нарушать правила. (Это еще одно мое правило.) Потому что если уж мне суждено разбиться в лепешку, то никак не со спущенными трусами. Однако жвачка в волосах – это настоящее ЧП даже для меня, хоть меня в принципе мало волнуют мои пересушенные хлорированной водой непослушные каштановые кудри. Я аккуратно отстегиваю ремень безопасности, поглядывая на закуток бортпроводников, и быстро пробираюсь в туалет.

Я пытаюсь избавиться от сиреневого безобразия в волосах, а за стеной постоянно слышится негромкое хихиканье. Почему все ведут себя так, будто мы приехали в парк аттракционов? Да я бы предпочла лучше оказаться на «Титанике». Там хотя бы путешествовали с комфортом – с хрустальными бокалами и теплыми пледами.

Наконец последний кусочек липкой гадости извлечен, и можно выходить, правда, сначала приходится сразиться с раздвижной дверью, которая вцепилась в рукав моей толстовки. Я дергаю дверь, давлу на нее локтем, в конце концов мне удается освободиться, и я поворачиваюсь, чтобы выйти. В эту секунду самолет снова проваливается в воздушную яму, и меня вышвыривает из туалета, как ядро из пушки. Чьи-то руки ловят меня и спасают от удара головой об косяк. Я поднимаю голову и вижу, что удержаться на ногах мне помог Джейсон Липпинкотт.

– Зубрила! – Джейсон вспомнил самое идиотское из всех прозвищ, которые были у меня в средней школе. Он ухмыляется: – Веселенький полет, да?

Я делаю шаг назад.

– Вообще-то меня зовут Джулия. – Я стараюсь говорить максимально спокойно и поправляю край штанины, которая зацепилась за подошву кроссовки.

– Конечно-конечно, – отвечает Джейсон и делает жест рукой, пропуская меня вперед. – Только после вас!

– Эм-м... спасибо.

Может, он и правда понял, как сильно я хочу скорее оказаться в своем кресле с пристегнутым ремнем.

На пути к своему месту я замечаю, что все одноклассники уставились на меня. Потом раздаются несколько сдавленных смешков, и вдруг хохот со всех сторон. Райан Линч, капитан команды по лакроссу «Ньютон-Норд», с дурацкой ухмылкой смотрит мне прямо в глаза. Сара возбужденно шепчет что-то на ухо Иви, глядя в мою сторону. Не понимаю, что происходит. Может, я не всю жвачку убрала из волос или испачкала ею лицо? Я хватаюсь за волосы и вдруг краем глаза замечаю какое-то копошение. Я оборачиваюсь и вижу, что Джейсон делает непристойные движения бедрами в мою сторону, подмигивая Райану. А Райан тянет к Джейсону руку, чтобы дать пять.

О господи! Нет! Они думают, что там, в туалете, мы были вместе! Клуб высокого полета и все такое. Они так думают, потому что Джейсон делает вид, что все так и было! Да как им только в голову могло прийти, что я захочу делать хоть что-нибудь вместе с Джейсоном Липпинкоттом! Да еще в самолете! Да еще в туалете! Я опять смотрю на Сару, она включила свой режим сплетницы на полную, и ее взгляд застыл на мне. Если знает она, то знают все, а значит, это только вопрос времени, как скоро слух дойдет до Марка. И я боюсь даже представить, до каких масштабов мутирует эта сплетня. Порой «Ньютон-Норд» превращается в огромный испорченный телефон.

Одно ясно точно: хороший, милый, добрый и умный Марк не захочет иметь со мной ничего общего, если узнает, что я была с Джейсоном в туалете самолета полуголая во время перелета через Атлантику. Джейсон перестал кривляться и теперь со смехом дает пять своим друзьям. Дает пять. Н-да уж. Сначала называет меня зубрилой, а потом делает вид, будто я развязно вела себя на высоте в девять тысяч метров! Все, что сейчас приходит мне на ум, – это развернуться и прошипеть: «Прекрати!»

Я плюхаюсь на свое место. Потом резко вставляю наушники в уши и ставлю максимальную громкость на айпоне в надежде, что громкая музыка сможет заглушить обиду. Теперь я почти надеюсь на скорейшую авиакатастрофу.

Глава 2

Латте и длинные ноги

«Уже нельзя передумать и поехать вместе с тобой? Джулс».

ВСЕ ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ я кипела от негодования. Вот бы моя лучшая подруга Фиби была сейчас со мной! Она бы точно придумала, что сказать Джейсону, как послать его куда подальше. У Фиби такая супер-способность – последнее слово всегда остается за ней.

Когда мы сели в Лондоне, я решительно направила прямиком к Джейсону, стоявшему у багажной ленты.

– Знаешь что? Если тебе вдруг приспичило вести себя как ребенок под кофеином – это твоя прерогатива, но меня оставь в покое. Ни за что на свете я бы не стала обжиматься с тобой, и уж точно не... – В последнюю секунду я понимаю, что не смогу договорить, потому что Джейсон по-идиотски улыбается. Я делаю вдох. – Не в самолете. Вообще нигде, понял? Никогда. Так что отвали. Навсегда. О'кей?

– Прерогатива, да? – хихикает он, разворачивает виноградную жвачку и отправляет ее в рот.

– Да, не самое популярное слово, так что ты, возможно, никогда его не слышал. – Нда, похоже, Джейсон назвал меня зубрилой вполне заслуженно, но я так и не продвинулась дальше первой тирады, когда сочиняла этот диалог.

– О, я в курсе. Мой словарный запас куда богаче, чем ты думаешь, – говорит Джейсон и наклоняется ко мне. Аромат виноградной жвачки бьет мне в лицо, и я морщусь от этого запаха. – Но только пусть это будет наш секрет. Не хочу разрушать свою репутацию «ребенка под кофеином».

Я судорожно пытаюсь придумать какой-то остроумный ответ, но тут что-то тяжелое врежется мне в ноги. Я опускаю глаза и вижу мальчишку из самолета – мятая футболка с Баззом Лайтером, светлые растрепанные волосы.

– Смотри, куда идешь! – возмущаюсь я, но паренек не обращает на меня никакого внимания, он дает Джейсону пять и бросается к багажной карусели (и к своим родителям, надеюсь). – Это что еще значит?

Джейсон рвет обертку от жвачки до тех пор, пока кусочки бумаги не становятся размером с молекулу. Они дождем осыпаются ему на ногу. Вдруг я слышу злорадный смешок и хватаюсь за хвост.

– Ты! – вскрикиваю я, а Джейсон тем временем надувает идеальный пузырь, который закрывает половину его лица. Сквозь жвачку просвечивают веснушки. Мне ужасно хочется ткнуть пальцем в этот пузырь, чтобы он лопнул и жвачка прилипла к челке Джейсона. Посмотрим, понравится ли ему это. – Нельзя давать детям жвачку!

– Почему? Парню явно было скучно, – безразлично пожимает плечами Джейсон и разворачивается в сторону багажной карусели. – Боже, мам, давай снизим уровень стресса немного, хотя бы пунктов на двадцать... Мы же на каникулах!

– Это не каникулы, это образова... – начинаю протестовать я, но Джейсон затыкает меня жестом, который, кажется, я видела в передаче «Переводчик с собачьего».

– Знаешь, в чем твоя проблема, зубрила? – говорит Джейсон, перекатываясь с носков на пятки и обратно, а потом подмигивает мне. – Ты не знаешь значения слова «веселье». Может, оно недостаточно умное для тебя? – И он проскальзывает мимо меня к багажной карусели.

А я остаюсь стоять, и моя ненависть к нему пылает с жаром сверхновой звезды. Этот диалог настолько выбил меня из колеи, что я пропустила свою сумку и теперь вынуждена ждать,

пока она сделает круг и опять подъедет. И пока я вытягиваю шею в поисках своей зеленой сумки, за моими плечами вырастают две одинаковые тени.

Я поднимаю голову вверх и вижу над собой двух человекоподобных аистов. На них одинаковые джинсы скинни, полосатые топы и цветные шарфы, замотанные вокруг длинных шей. Разница между девушками только в том, что у одной высокий тугой хвостик темно-рыжего цвета, а у другой высокий тугой хвостик из светлых волос и в руках у блондинки гигантский стакан латте со льдом, размером с ее голову.

– Богом клянусь, если я сейчас увижу двухъярусную кровать у нас в квартире, то надену свои Manolo и сяду на ближайший же рейс в Штаты, – говорит блондинка. – Во время прошлой Недели моды мы вчетвером делили две двухъярусные кровати, как в каком-то модном детском лагере. В этот раз я на такое не соглашусь ни за что.

– Да я готова спать как в лагере, лишь бы только не в одной комнате с Урсулой, – отвечает рыжая, поправляя сумку на костлявом плече. – Она храпит, как лесоруб.

Ой божечки! Настоящие модели во плоти. Вернее, в костях. Выглядят они так, будто давно голодают и явно перебрали кофе. Тут я замечаю, что у багажной ленты много женщин ростом выше, чем метр восемьдесят. Аэропорт просто заполнили гламазонки с острыми скулами и черными чемоданами на колесиках. И все постукивают по линолеуму десятисантиметровыми каблуками, словно только сошли со страниц итальянского Vogue, а не выдержали шестичасовой перелет над Атлантикой.

– Ты уже знаешь, в каких показах участвуешь? – спросила рыжая, высматривая свой чемодан на ленте.

– Завтра у меня несколько просмотров, – ответила блондинка, вяло встряхивая кубики льда в ведре с кофе. – Но мой агент говорит, что я точно буду у Stella McCartney. Ну и в Marc Jacobs меня обожают.

Я замечаю, как рыжая закатывает глаза, пока плавным, изящным движением снимает свой чемодан с ленты. Меня так увлек этот разговор, что я не заметила, как моя сумка снова ко мне подъехала. Ныряю за ней, хватаюсь за нейлоновые ручки и всем весом откидываюсь назад, чтобы оторвать ее от карусели. Но из-за книг, которые я взяла с собой, сумка оказалась тяжелее, чем я рассчитывала. Теряя равновесие, я валюсь назад...

...Но мой полет прерывает тело. К несчастью, это модель-блондинка, чья хрупкая фигура не готова к столкновению с моим мускулистым корпусом и с десятью тоннами багажа, которые летят на нее, как тяжелый стратегический бомбардировщик.

– Черт! – взвизгивает она и падает, не удержавшись на своих высоченных каблуках. Мы приземляемся одним клубком, из которого торчат руки и ноги. Ее холодный кофе озером разлился по полу.

– О господи, простите, мне так жаль, – лепечу я в ужасе и пытаюсь встать, но едва мне это удастся, нога цепляется за ручку моей сумки, и я приземляюсь прямо в лужу кофе. Холодная липкая жидкость впитывается в мои штаны. Супер! После слухов о том, что я вступила в клуб высокого полета, подозрительное пятно на штанах – последнее, что мне нужно. Я уже говорила, что ненавижу летать?

Я кое-как выпутываю ногу, хватаю сумку и бросаюсь к ближайшим раздвижным дверям: хочу скрыться до того, как услышу истерику супермодели.

– Простите! – бросаю я через плечо.

– Ты должна мне кофе! – кричит блондинка, но я не оборачиваюсь.

Выбравшись на улицу, я принимаюсь высматривать одноклассников в толпе, чтобы не пропустить автобус. Замечаю Джейсона и шагаю в его сторону, но быстро понимаю, что никого из наших рядом нет. Он болтает с темноволосой супермоделью, которая вот-вот сядет в черный седан. Ну конечно!

Другой черный седан с визгом останавливается прямо передо мной. Я вижу свое отражение в затемненных окнах: растрепанные волосы, красные воспаленные глаза, вся одежда в пятнах кофе... Великолепно. Я прибыла в Лондон в образе сумасшедшего бездомного, страдающего недержанием.

Я растерянно поправляю сумку на плече и наконец замечаю одноклассников у синего туристического автобуса. Миссис Теннисон суетится вокруг, пересчитывая всех по головам и сверяясь со списком. К тому времени как я доползаю до них с огромной сумкой, украшенной моей монограммой, почти все уже расселись по местам. Перелеты, дети, модели и опоздания. И Джейсон Липпинкотт. Список вещей, которые я ненавижу, растет с каждой минутой.

В автобус я вхожу после Дирдре Робинсон и необъятного облака ее кудрявых пушистых волос и занимаю два свободных места впереди в надежде, что рядом никто не сядет. Да, из нашего класса в Лондон поехало два десятка человек, и ни с одним из них я не дружу. Так что следующие десять дней будут очень долгими.

Когда нашему классу объявили о возможности на весенних каникулах поехать в Лондон, я была уверена, что кто-нибудь из моих друзей из команды по плаванию точно согласится. Однако, несмотря на то что я всегда все планирую и внимательно подхожу к организации, я записалась и оплатила поездку до того, как узнала, что региональные соревнования по плаванию выпадают на те же даты. А ведь на этих соревнованиях я в прошлом году побил рекорд штата вольным стилем! И вот теперь я здесь, а все мои друзья из команды там.

Мне тревожно и одиноко без привычного окружения, из-за этого я начинаю дергать вверх-вниз большим пальцем ноги в кроссовке. Я обещала тренеру Хаасу, что буду обязательно заниматься и тут (слава богу, в нашем отеле есть бассейн). Остается надеяться, что мне не найдут замену за эти десять дней.

– Отдохни, Джулия, – сказал мне тренер Хаас в ответ на мое обещание тренироваться. – Просто повеселись там хорошенько, ладно?

Судя по всему, никто на этом свете не понимает, что веселье в моем понимании – это как раз плавание, путеводители и следование правилам. Джозел Эмерсон лениво идет по проходу. Я вижу, что он замедляет шаг у свободного рядом со мной места, и быстро кидаю на сиденье свою сумку. Джозел будет всю поездку по ролям пересказывать последние матчи по лакроссу, и меня, скорее всего, от этого укачает. Черт, Фиби, я убью тебя за то, что ты бросила меня.

Родители Фиби не позволили ей пропустить воссоединение семейства Ли, которое проходит у них каждые пять лет в Чикаго. Наши мольбы не смогли поколебать их непреклонность. Фиби даже разыграла карточку «это будет важной строчкой в моем резюме для колледжа», но все без толку. Впрочем, Фиби не нужно волноваться из-за колледжа. Она потрясающий художник, так что однозначно поступит в *Школу дизайна Род-Айленда*. А я, надеюсь, поступлю в Брауновский университет, и тогда мы с ней поселимся в Провиденсе, в викторианском доме со светлыми стенами и башенкой.

– Ну слушай, там хотя бы будет пляж, – сказала я Фиби на прошлой неделе.

После нескольких месяцев уговоров я наконец убедила подругу разрешить мне разобрать ее гардероб. Фиби говорит, это извращение, но упорядочивать жизнь других людей для меня вроде хобби. Какое-то невероятное удовлетворение испытываешь, когда находишь место для каждой вещи.

– Там озеро Мичиган. Вряд ли это вообще можно считать пляжем, – ответила Фиби и, высунув язык, принялась проверять желтую футболку на предмет дырок различного происхождения, а потом кинула ее в кучу вещей, которые собиралась отдать.

– Торговая палата Чикаго утверждает обратное, – возразила я, развешивая на плечики кучу летних сарафанов с ярким узором. Потом подняла фиолетовое мини-платье в гусиную лапку – на подоле была дыра размером с яйцо. – Это оставляешь?

– Это я вполне могу зашить. – Фиби кинула платье в стопку белья, которое надо было починить, а потом собрала длинные черные волосы в небрежный хвост.

Я так завидую ее волосам. Мне нужно часа два с утюжком и целой полкой банок от Kiehl's, чтобы мои волосы стали такими же прямыми. А из-за хлорки в бассейне такими же блестящими им не стать никогда.

– Да без разницы, даже если бы там и был настоящий пляж, купальный сезон длится всего недели три в августе. А сейчас март. В Чикаго сейчас как в Арктике, – продолжила подруга.

Я вздохнула:

– Я тоже буду грустить! Все девчонки, которые едут в Лондон, повернуты на моде и косметике, так что я могу вернуться как после полной лоботомии – с новым гардеробом, состоящим только из джинсов скинни и браслетов от Tiffany. – Я складывала кучу футболок с принтами и пыталась сконцентрироваться на этом, отгоняя прочь мысли об одиночестве. – Seriously, что я буду делать там без тебя?

– Ты будешь наслаждаться Лондоном, – сказала Фиби. А потом ее глаза расширились, и она, как обычно, выдала длинную тираду: – Этот город полон сексуальных студентов и старшеклассников, которые читают Джейн Остин и сестер Бронте. И порою, замирая в безмолвной тоске по своей дорогой подруге, которая уплетает кимчи и запеканки двоюродных бабушек, ты будешь наслаждаться английским чаем и сконами.

Итак, моей лучшей подруги нет рядом, чтобы меня поддержать. Но я в Лондоне. Бесплатно. Без родителей. С планом мероприятий (где все, конечно же, выделено и подчеркнуто) и длинным перечнем мест, о которых раньше мне приходилось только читать и мечтать, а также с полной сумкой путеводителей, страницы которых пестрят разноцветными стикерами.

Могло быть и хуже. Ведь я могла бы путешествовать с тетей Матильдой, которая не упускает ни одного случая намекнуть, что проводи я больше времени в платье и меньше в бассейне, то уже давно обзавелась бы настоящим бойфрендом. Еще я могла бы ездить на экскурсии с толпой школьных директрис или телеведущих из магазина на диване. Это было бы хуже (наверное). Так что решено. Эта поездка будет восхитительной. Я делаю несколько глубоких вздохов, достаю расписание и начинаю психологически готовиться к завтрашнему посещению галереи Тейт. Я уже скачала и распечатала буклет, описывающий временные выставки. Я собираюсь провести сегодняшний вечер (который помечен в программе поездки как «Заселение»), перечитывая главы о Тейт в каждом из моих пяти путеводителей. Одной мысли о музее и моих книжках достаточно для того, чтобы стресс начал отступать.

Миссис Теннисон поднимается в автобус последней и осматривает всех. Она в брюках палаццо и в тунике в цветочек с широкими рукавами, которые скользят по лицам учеников, пока миссис Ти движется по проходу автобуса.

– Все на месте? Никого не потеряли? – спрашивает она, пересчитывая нас по головам, потом вдруг всплескивает руками и нахмуривает подведенные брови. – Кажется, кого-то одного не хватает!

– Я тут! Спокойствие! – Джейсон с веселой улыбкой вскакивает в автобус и протискивается по проходу мимо миссис Теннисон. – Спасибо, что придержали автобус для меня, миссис Ти.

– Джейсон, прошу тебя, не отходи от своих одноклассников. Нам всем необходимо держаться вместе.

Пятнадцать минут в Лондоне, а миссис Теннисон уже массирует пальцами виски. Без сомнения, ближайшие десять дней для нее тоже будут очень непростыми.

– Простите, миссис Ти. Больше никогда. Слово скаута! – Он улыбаясь идет вдоль прохода в поисках места, останавливается напротив меня и принимает. – Ореховый сироп, зубрила? Я был уверен, что ты предпочитаешь черный кофе.

Я сжимаю кулаки. Журчащие ручейки и свежий ветерок. Птички, сердечки, радуги и тот, третий от центра, зуб Марка...

– Спасибо, Джейсон, – вздыхает миссис Теннисон и достает толстую папку.

Автобус трогается, миссис Теннисон, чтобы не упасть кому-нибудь на колени, хватается за спинку ближайшего сиденья, едва не выдрав клочок из облака волос Дирдре Робинсон, но Дирдре ловко успевает отклониться. Наверное, это движение она выучила на тренировке команды по фехтованию (которая, кстати, состоит из одной Дирдре).

– Итак, класс, слушайте внимательно, – говорит миссис Теннисон, откашлявшись. – У меня хорошие новости. В отеле что-то напутали, и в итоге у каждого из вас будет отдельный номер.

Весь автобус завизжал от счастья, и я вместе со всеми. Отдельная комната означает, что мне не придется терпеть Сару Финдер, кучу ее дизайнерских джинсов и фейковых сумочек Louis Vuitton. Спасибо, ГОСПОДИ. Эта поездка становится лучше с каждой минутой!

– Ладно, ладно. – Миссис Теннисон, призывая нас к тишине, машет руками. – Едем дальше. Комендантский час назначаю на десять вечера, и вам придется подчиниться. На ночь я буду забирать ключи, чтобы убедиться, что каждый из вас в своем номере, а не где-то... – Она останавливается на полуслове, но я прямо вижу: она представляет себе, что одна половина группы будет арестована, а другая забеременеет.

Все начинают ворчать и стонать. Иви даже пискнула: «Это же фашизм!» Я более чем уверена, она не знает, что такое фашизм. Я ничего против комендантского часа не имею: пораньше ложиться, пораньше вставать – и утром на тренировку в бассейн.

Миссис Теннисон продолжает:

– Чтобы никто из вас не потерялся, мы прибегнем к старой доброй системе – разобьемся на пары.

Все вокруг меня хватают друзей за руки, но я провела не одно лето в детском лагере, поэтому прекрасно знаю, что будет дальше, и чувствую, как внутри все сворачивается в ледяной клубок.

– Я заранее сама разбила вас пары на время путешествия. Вы будете не только приглядывать друг за другом, но и ходить вместе на все мероприятия. Запомните, это образовательная поездка по Великобритании.

– Ох, не напоминайте, – бубнит Иви, которая сидит на два ряда дальше меня. Под конец перелета Иви принялась листать «Гид по идеальному шопингу в Лондоне» – я впервые увидела ее с книгой.

– Вы будете нести ответственность за своего партнера на протяжении всей поездки, – продолжает миссис Теннисон. Теперь она говорит быстрее. Наверное, репетировала дома перед зеркалом в ванной. – Успех вашего партнера – это ваш успех. Вы будете вместе не только во время экскурсий, но и во время специальных культурных часов. Вам, должно быть, интересно, что я имею в виду, говоря «культурные часы»?

– О нет! – По интонации Иви понятно, что она закатила глаза, но, к счастью, миссис Теннисон ее не слышит.

– Культурные часы – это ежедневные двухчасовые блоки, во время которых вам позволено самостоятельно изучать Лондон. Конечно, со своим партнером!

– Время шопинга! – пронзительно визжит Иви.

На этот раз миссис Теннисон ее слышит и бросает на Иви взгляд, полный ярости.

– Культурные часы следует посвятить дальнейшему *изучению культуры Лондона*, – продолжает она, интонацией выделяя эти слова. – А это не включает шопинг. Я буду следить за тем, как вы проводите ваше время: каждый вечер вы будете сдавать мне короткие эссе с рассказом обо всех тех великолепных открытиях, которые совершите за день.

Мои одноклассники продолжают дружно ныть. Нет, а чего они ожидали? Несмотря на всеобщее заблуждение, это не каникулы. Все, что мы тут делаем, будет оцениваться, и я планирую получить высший балл.

Миссис Теннисон начинает читать имена по парам, и я напрягаю слух, чтобы не пропустить свое. Она движется вниз по списку, и я замечаю закономерность. Брайан Арнетт в паре с Джейми Барнс. Иви Эльстон – с Сарой Финдер. Тони Харрисон и Логан Хант. Люси Карнс и Адам Лэндри. Ой-ей. Это может означать только одно...

– Джулия Лихтенштейн, ты с Джейсоном Липпинкоттом.

Нет! Нет-нет-нет! Я не могу быть с Джейсоном. Во-первых, я только что велела ему отвалить от меня. Навсегда. Я даже смотреть на Джейсона не могу, не говоря уж о том, чтобы вместе с ним ходить на экскурсии по замкам. Во-вторых, о чем мы вообще можем говорить? За исключением сегодняшней перепалки, последний раз мы с ним разговаривали, когда Джейсон засунул в мой шкафчик пачку тампонов в девятом классе. В столовой он сидит за столом с членами своей команды по лакроссу и хихикающими девчонками из их группы поддержки, а на уроках большую часть времени пытается вогнать в краску учителей, по-идиотски их передразнивая. Я понятия не имею, как играть в лакросс, а он не прочел... да, наверное, ни одной книги он не прочел. Плюс ко всему наверняка девяносто процентов времени он потратит на флирт с девушками, что будет ужасно раздражать партнера, которому придется за ним следить. То есть меня...

Но прежде чем я успеваю узнать, можно ли обсудить решение миссис Теннисон, она достает коробку одинаковых серебристых телефонов. На каждом наклейка с номером, выведенным аккуратным почерком. (Миссис Теннисон сама по себе, может, порывистая и хаотичная, но прекрасный каллиграф.)

– Это ваши временные сотовые телефоны, или мобильные, как говорят в Англии, – немного насмешливо произносит она, двигаясь по проходу и раздавая телефоны. На моем написано:

+442026415644

Я смотрю на ряд незнакомых цифр, пытаюсь найти в них какой-то смысл, чтобы легче было запомнить. Стандартный код страны 44, это просто. Двадцать... Такой номер был у папы в старшей школе, он был капитаном футбольной команды. Мой мозг разбивает цифры на группы, пытаюсь найти ассоциации. И вдруг я вижу: 26 апреля 1564. День рождения Шекспира! Должно быть, это знак.

Остается последняя четверка, но тут легко: это мой средний балл успеваемости. Номер отца, день рождения Шекспира и средний балл. Я беззвучно произношу эти слова, пока они прочно не отпечатываются в памяти.

Миссис Теннисон продолжает щебетать:

– Средства с этих телефонов списываются автоматически после использования. Сейчас на каждом достаточно денег на двадцать минут разговора, этого должно сполна хватить для того, чтобы вызвать полицию, такси или позвонить мне. Иначе говоря, вы должны использовать ваши сотовые только *в экстренных ситуациях*. – Последние два слова миссис Теннисон произносит так четко и громко, как только возможно. Она вкладывает последний телефон в загорелую руку Сьюзен Морган и поворачивается ко всем лицом. – Все, что выйдет за рамки двадцати минут, вы должны будете оплатить самостоятельно. Однако я не разрешаю вам провести всю поездку, уткнувшись в телефон. Мисс Эльстон, вы меня услышали?

Я оборачиваюсь и вижу, что Иви уже вцепилась в мобильник и ее пальчики с безупречным маникюром быстро бегают по клавишам. Услышав свое имя, она мгновенно поднимает голову и захлопывает сотовый.

– Да, миссис Теннисон? – говорит Иви сладко.

– Что вы там уже так увлеченно печатаете, мисс Эльстон? – спрашивает миссис Теннисон, скрестив руки на груди и парадировав противную интонацию Иви.

– О, да ничего такого. – В голосе Иви теперь еще больше сиропа. Так всегда происходит, когда она врет кому-то из старших. Я присутствовала как минимум на дюжине уроков вместе с ней и точно знаю, что говорю.

– Мисс Эльстон, спасибо, что напомнили мне об еще одном важном пункте. Как я уже сказала, телефоны предназначены для экстренных случаев, а не для сообщений, твиттера, фейсбука или других социальных сетей, которые могут отвлечь вас от изучения Лондона. Эта поездка – возможность отключиться от интернета и проникнуться жизнью города, богатого искусством, культурой и историей. Если я увижу, что телефон чересчур отвлекает вас от путешествия, заберу в тот же момент. И вам придется надеяться на телефон своего партнера всю оставшуюся поездку. Я ясно выразилась?

Весь автобус громко соглашается, но кто-то все же ворчит. Я открываю телефон, не в силах бороться с желанием написать SOS Фиби. Даже начинаю печатать: «Спаси! Меня поставили в пару с Джейсоном! Суицид возможен, убийство неизбежно!» Но я всегда следую правилам, поэтому захлопываю телефон обратно, так и не нажав кнопку «Отправить».

Глава 3

Огромный халат и никакой ванны

«Почему все думают, что человек, предпочитающий книги людям, может страдать от недостатка настоящей жизни? Дж.»

АВТОБУС ОСТАВЛЯЕТ ТЕРРИТОРИЮ аэропорта позади, и я буквально прилипаю носом к окну. Я не пропущу ни единой секунды Лондона, как бы ни бесилась из-за Джейсона. Мы вклиниваемся в поток на трассе М4 и устремляемся в сторону города. Все вокруг выглядит зеленее, чем дома. Я разглядываю проплывающие мимо поля с островками диких цветов и одинокими тенистыми деревьями. Прохладный солнечный весенний полдень. Жаль, я не могу открыть окно и вдохнуть этот воздух, его тяжелый, землистый, сладковатый аромат.

Зеленые поля сменяет сплошная стена домов и огромных супермаркетов. На мгновение я разочарована: такой пейзаж можно увидеть по дороге и в Кливленд, и в Огайо. Но вот мы уходим в сторону от загруженной трассы, дорога резко становится уже, а здания теперь более дорогие и изысканные. Таким Лондон я себе и представляла. Все дома выглядят будто замки. Впечатляет даже каменный фасад Макдоналдса на первом этаже величественного жилого дома.

Наш автобус скрывается под землей, нырнув в туннель, и снова выезжает на улицу. Мимо проносится пышный зеленый сад, утопающий в прекрасных цветах. Жду не дожусь, когда смогу взять свой потрепанный томик «Гордости и предубеждения» и почитать его в настоящем английском саду. Впрочем, зная меня, думаю, без нападения дикого гуся или чего-то в таком духе точно не обойдется. (Я ужасно боюсь гусей. Не судите меня – у всех свои фобии.)

Не успеваю я и глазом моргнуть, как мы уже оказываемся в самом центре города и проезжаем места, о которых я слышала еще в детстве из маминих рассказов: Кенсингтон-Хай-стрит, Имперский колледж, Гайд-парк, площадь Пикадилли. На мгновение у меня пересыхает во рту, и я задерживаю дыхание. Родители провели в Лондоне медовый месяц и всегда мечтали вернуться сюда еще разок. Папа шутил, что Париж считают городом любви лишь те, у кого нет фантазии. «Да возьми хотя бы тех парней из королевской стражи, которые круглый год ходят в огромных черных пушистых шапках!» – говорил он смеясь и целовал маму в лоб. Они даже откладывали деньги, чтобы вернуться сюда на десятую годовщину, но когда отец заболел, путешествие было забыто.

Мои родители познакомились еще подростками, они учились в школах, чьи футбольные команды вечно соперничали. Мама два сезона наблюдала за отцом на поле, мечтая однажды с ним заговорить. А потом она как-то подвернула лодыжку на пробежке, и папа оказался первым, кто проезжал мимо. Он подобрал маму и довез до больницы, и с тех самых пор они не расставались ни на секунду, пока папа не умер. Мама всегда говорила, что это была судьба, и я охотно в это верю. Ведь помочь маме мог какой-нибудь пожилой добрый самаритянин, но судьба направила к ней папу.

У большинства моих знакомых родители либо просто живут отдельно, либо развелись, либо идут к какому-то из этих вариантов. А в моих воспоминаниях родители всегда вместе – смеются, вальсируют на кухне или держатся за руки. За десять лет брака они познали больше счастья, чем многие за всю жизнь. Судьба свела их, и мне, я уверена, она покажет истинную любовь.

Вот почему я думаю, что Марк Биксфорд – тот самый парень. Я просто знаю. Я полюбила его, когда нам с ним было пять лет. Мы жили в соседних домах и проводили время как все дети-соседи в детсадовском возрасте: бегали под поливалками для газона, гоняли на великах, раскачивались на качелях изо всех сил, чтобы раскрутиться солнышком. Мы играли в шпио-

нов, были героями войны, учителями, членами королевской семьи, президентом... Однажды у нас даже была свадьба понарошку. Марк сбегал домой, чтобы надеть черную футболку (самая похожая на смокинг одежда, которая была у пятилетки), я натянула наволочку на голову вместо фаты, а старенький плюшевый львенок Гроули скрепил наш священный союз под старой ивой у меня на заднем дворе. Церемония закончилась первым поцелуем в моей жизни, и с тех пор я влюблена в Марка Биксфорда. На мой шестой день рождения он подарил мне пакет, в котором было почти четыре килограмма желтых конфеток Starbursts – это мой любимый вкус. (Их запах напоминал мне лимонную полироль: когда я маленькой помогала маме по дому, больше всего мне нравилось стирать пыль с антикварных вещей.) Марк специально копил, чтобы купить огромный мешок Starbursts и выбрать все желтые конфеты для меня. Понимаете, почему я его люблю?

Но на следующий год его отца перевели в Питтсбург, и я думала, что мы больше никогда не увидимся. Я отчаянно пыталась найти новый объект для обожания, но Марк не выходил у меня из головы, и все эти годы в глубине души я надеялась, что та наша «свадьба» была не глупой детской игрой, а чем-то большим – знаком, предчувствием будущего.

А теперь Марк вернулся. Прошлым летом, 19 августа, то есть 232 дня назад. И с тех пор я даже не смотрела ни на кого другого. К несчастью, сам Марк вообще не смотрел на меня. Фиби как-то предположила, что, вероятно, он в ступоре от захлестнувшей его силы любви. Но я подозреваю, что он просто давно забыл, как мы клялись на заднем дворе и как потом с горящими глазами выдрали по клочку ветхой гривы Гроули, чтобы скрепить этим ритуалом нашу вечную связь. Этот общипанный старый лев до сих пор сидит на верхней полке в моем шкафу, грустный, со сбившимся в комки наполнителем.

Так что последние 232 дня я люблю Марка безмолвно и издалека, ожидая судьбоносного случая, который сведет нас вместе. И дело не в том, что я ужасно боюсь заговорить с ним первой (ну ладно, может, чуть-чуть). Я просто убеждена, что если он и есть тот единственный (а он и есть), то все случится само собой. Я понимаю, что это звучит нелогично и наивно, но так уж устроена судьба. Я-то знаю.

Среди маленьких английских машин наш автобус кажется огромным монстром, будто слон, который пробирается через поле с котятками. Единственное, что сравнимо с нами по размеру, – знаменитые лондонские двухэтажные автобусы. Они повсюду. Время от времени у меня случаются приступы паники: мне кажется, будто наш водитель пьян и вот-вот столкнется с машиной, которая едет нам навстречу, но потом я вспоминаю, что здесь, в Англии, они ездят по другой стороне дороги.

Мы проезжаем знаки лондонской подземки, они точь-в-точь такие, как на футболках Urban Outfitters. Здания вокруг повторяют изгибы дороги. Здесь все так, как я себе представляла, и даже лучше. А ведь я всего лишь смотрю на город из запотевшего окна экскурсионного автобуса.

Преодолев сумасшедшее движение на площади Пикадилли, мы сворачиваем на такую узенькую улочку, что кажется, автобус вот-вот застрянет между домами. Здания вокруг высокие, а из окна не такой уж хороший обзор, и я не могу понять, где именно мы находимся.

Наконец автобус останавливается перед отелем. Мне едва удастся удержаться от удивленного возгласа. Оказывается, отель Soho Sennett стоит в центре самого модного района Лондона: тут на каждом шагу театры, клубы и магазины с пластинками. Да и сам отель выглядит как в сказке. Едва ступив из автобуса на красную ковровую дорожку, я понимаю, что дальше меня ждут только приятные сюрпризы. И никаких досадных неожиданностей.

– Сюда, пожалуйста, мисс, – указывает на двойные двери, приветливо распахнутые для нас, человек в парчовом жакете насыщенного винного цвета.

Золотая с красным табличка на состаренной латунной подставке гласит: «Добро пожаловать, друзья». Владелец этого отеля – брат мужа миссис Теннисон (или муж брата – точно не

помню). Его компания купила этот отель, еще когда это был просто ряд таунхаусов, и недавно закончилась их полная реконструкция. Благодаря родственным связям миссис Ти (и, как говорят, необходимости сгладить какие-то внутрисемейные разногласия) я и мои одноклассники будем в числе первых гостей. Заодно протестируем персонал: если команда справится с двадцатью американскими подростками, то, думаю, все остальное ей будет уж точно по плечу.

Ну а вообще это, конечно, просто фантастика. Предыдущий класс в прошлом году оставался в хостеле, и матрас Дженни Дэвис был обиталищем для сотен клопов. Домой она вернулась как после ветрянки и еще неделю пугала всех своим внешним видом.

Как только мы переступаем порог, Джейсон кидает на пол сумку и спешит к стойке регистрации, где хорошенькая рыжая девушка в черном платье с запахом и глубоким декольте набирает что-то на компьютере. Джейсон перевешивается через мраморную столешницу и заглядывает в монитор. Прежде чем я успеваю спросить себя, что мой партнер задумал, девушка уже хихикает и кокетливо поправляет волосы. Я отвожу взгляд. Нет, серьезно, мне всю неделю придется наблюдать эту сцену снова и снова, так что нет никакого смысла портить и без того отвратительный фильм не менее мерзким трейлером.

Миссис Теннисон маневрирует в толпе, раздавая нам пластиковые карточки-ключи и сверяясь со списком. Как только я получаю свой, беру сумку и иду к главной лестнице. На третьем этаже я останавливаюсь, чтобы размять плечи, — чувствую, что абсолютно вымоталась от долгого перелета. Потом прохожу по узкому коридору, стены которого оклеены дорогими обоями с пурпурными и золотыми вензелями. В конце этажа меня ждет тяжелая дверь из красного дерева с причудливыми цифрами 315, выбитыми на латунной табличке. Со второй попытки мне удается открыть замок, дверь распахивается, и моя челюсть падает на пол.

Сама комната очень мала, размером, наверное, с большую гардеробную, но это не имеет никакого значения, потому что номер великолепен. Придвинутая к стене двуспальная кровать занимает большую часть пространства, у нее огромное, от пола до потолка, изголовье из потертой коричневой кожи, она украшена каретной стяжкой с огромными латунными пуговицами. На атласном бордовом пуховом одеяле с бронзовой отделкой возвышается гора белоснежных, мягких и легких, как облако, подушек. Она разбивает цветное единство комнаты. По бокам кровати стоят столики из красного дерева, а в углу — шкаф того же цвета. Его дверца немного приоткрыта, и виден огромный плоский телевизор и целая видео- и аудиосистема.

В ногах кровати, на бамбуковом подиуме, установленном в эркере у панорамного окна, где обычно устраивают место для чтения и ставят креслокачалку, красуется белоснежная ванна на когтистых ножках. Великолепная глянцевая ванна идеального для меня размера. От радости я готова плясать. (О'кей, я и впрямь немножко приплясываю.)

Два ряда римских штор закрывают окно: белые, дневные, скрывают от посторонних глаз и пропускают при этом солнечный свет, и бордовые, тяжелые. На весь этот безупречный интерьер падает мягкий свет люстры. Я слышу доносящиеся из коридора крики одноклассников. Можно разобрать «Пуховое одеяло!» и «Уи-и-и!». В голове у меня только нестерпимое желание поскорее забраться в ванну и не вылезать оттуда.

Что-то мне подсказывает, что в этом матрасе нет клопов. Но прежде чем погрузить в теплую воду ноющие ноги, надо распаковать вещи. Я не могу жить на чемодане все десять дней. (То есть технически уже девять, так как сегодня пятница, а уезжаем мы в субботу.) Я прямо чувствую, как мнется в чемодане моя одежда. Плюс ко всему подозреваю, что тот злополучный латте мог просочиться в сумку. Я закидываю ее на подставку для багажа, расстегиваю молнию и раскладываю вещи.

Убрав носки и белье в ящики шкафа, я вдруг вижу: из-под моего любимого худи с надписью «Гарвард» выглядывают пара босоножек-гладиаторов на десятисантиметровых каблуках. Фиби заставила их взять. Она пришла ко мне за день до отъезда, чтобы помочь собраться, и сунула в сумку несколько «самых необходимых», на ее взгляд, вещей.

– Ты должна их взять! – сказала Фиби, держа в руках черные кожаные босоножки, отделанные клепками.

Я сморщила нос:

– Э-э... Фибс? Разве это не те босоножки, которые ты собираешься надеть на выпускной?

– Я остановилась на том серебряном платье, так что эти не подходят.

У Фиби классный стиль, такой не встретишь на страницах Teen Vogue или Seventeen. Ее гардероб – это хаос, взрывная смесь неона и потертого денима, там есть вещи, отражающие моду разных десятилетий и стилей. Но наденьте это все на нее и отойдите на шаг назад – она всегда выглядит непринужденно и круто. Конечно, модная мафия в школе не признает ее гения. Марк Джейкобс? Да. Винтаж? Может быть. Но микс из секонд-хенда и хендмейда? Нет, это за рамками их понимания. В тот день ее наряд состоял из футболки с лого Rolling Stones, перешитой в юбку-карандаш, и юбки-карандаша, перекошенной в жилет. Немного безумно, но на Фиби смотрелось гармонично.

– Не хочешь тогда их вернуть?

– Ну уж нет! Они классные, и я непременно найду, куда их надеть, – ответила она, покачивая босоножками перед моим носом. Ногти на ее руках были покрыты лаком с блестками, а алюминиевые браслеты позвякивали, будто где-то рядом маршировали солдаты. – И пока мне ничего не пришло в голову, я считаю, что их должна носить ты, лучшая из моих подруг.

– Но они не очень-то похожи на идеальную обувь для знакомства с достопримечательностями.

– Это же Лондон! Приключения ждут тебя на каждом шагу!

Фиби не разделяет моей веры в Провидение. Она говорит, что нужно ловить удачу за хвост, что жизнь подобна романтической комедии: просто как следует наряди главную героиню – и вот она уже целуется с красавчиком, а на заднем плане журчит фонтан и звучит музыка. К сожалению, моя жизнь больше напоминает кабельные каналы, где пожилая женщина монотонно рассказывает, как печь пироги.

– Но не во время поездки с классом, – говорю я, скрестив руки на груди и отрицательно покачав головой, – и не меня. Да и потом, они не влезут в сумку.

– Может, ты оставишь дома вот это? – Фиби, закатив глаза, вытащила из сумки стопку книг. – Слушай, серьезно, просто возьми мою читалку.

Яostroила гримасу. У меня у самой есть электронная книга, но я ей почти не пользуюсь. Мне нужно загибать уголки страниц и отмечать абзацы стикерами. Я хочу чувствовать книгу, а не просто ее читать. Я не выхожу из дома без книги в сумке, а уж в путешествие за океан взяла с запасом.

– Нет уж, спасибо. – Я тянусь к Фиби, чтобы забрать у нее книги, но она, пританцовывая, убежала в противоположный угол комнаты. – Мне нужны книги, чтобы их аромат заглушил затхлые самолетные запахи.

– Порой ты ведешь себя как бабулька, – произнесла Фиби.

Я перескочила через кровать и бросилась к подруге, намереваясь вернуть книжки, но она подняла стопку над головой, и мне пришлось подпрыгнуть, чтобы их достать.

– Они мне нужны! – возмущаюсь я, ухватившись за книги, но Фиби быстро отдернула руку.

– Нет, не нужны, – решила подруга и поставила их обратно на книжную полку. – Ты едешь в Лондон, а не в Уганду. Даже если тебе каким-то чудом удастся прочесть весь свой запас, у них там есть такие места, которые называются «книжные магазины». Я слышала, что если оставить там денег, то можно уйти с книгой.

– Ха-ха!

– Я расцениваю это как согласие. – Фиби бросила босоножки в сумку, как раз на то место, где лежали книги.

А теперь между нами целый океан, и я ставлю босоножки в шкаф, рядом со шлепанцами и кроссовками. По крайней мере, это будет напоминать мне о Фиби.

Я достаю пять толстых путеводителей, которые взяла с собой, в каждом из них есть закладки в нужных местах, примерно 212 штук, смахиваю дорожную пыль с глянцевых обложек и аккуратно кладу книги на столик у кровати. Отступив шаг назад, любуюсь проделанной работой. Мой прикроватный столик будто сошел со страниц журнала о путешествиях.

Я расправляю края маленькой пожелтевшей фотографии. Это мое любимое фото родителей. День их свадьбы. На маме простое белое льняное платье с завышенной талией и кружевными рукавами. Папа стоит за ней в темно-синем кителе, положив подбородок маме на макушку. Они оба хохочут над какой-то шуткой фотографа, а мама даже немножко согнулась от смеха.

Фото я закрепляю под рамой на зеркале туалетного столика и вдруг чувствую, как внутри начинает затягиваться узел и к глазам подступают слезы. Я стараюсь подавить приступ сентиментальности с помощью единственного безотказного способа – падаю на пол и быстро отжимаюсь несколько раз. Я не стану лить слезы в первый день в Лондоне. После двадцати отжиманий слезы отступили и узел внутри ослаб. Самое время для горячей ванны.

Я вскакиваю и аккуратно расставляю по высоте все свои баночки с кремами. Потом снимаю грязную одежду, складываю в отельный пакет для прачечной и закутываюсь в тяжелый мягкий белоснежный махровый халат с монограммой отеля. Очевидно, этот халат рассчитан на какую-нибудь супермодель, которая, скорее всего, и займет этот номер после меня: мне пришлось приподнять подол руками, как бальное платье, чтобы дойти до ванны не запутавшись, а пояс от халата оказался настолько длинным, что я решила снять его и повесить обратно на крючок. Мягкое полотенце я перекидываю через бортик ванны и поворачиваю блестящий серебристый кран.

Пока ванна наполняется водой, от которой идет пар, я достаю чудодейственный крем от прыщей, эту органическую штуку мама купила мне в Бостоне. Травы в составе придают ему не только приятный расслабляющий аромат, но и странный ярко-зеленый цвет. Я начинаю вбивать крем пальцами, и, когда заканчиваю, кажется, будто я размазала по лицу суп-пюре из зеленого горошка. Едва я успеваю скинуть халат и занести одну ногу над ванной, раздается стук в дверь.

– Кто там?! – кричу я, надеясь на то, что это уборка номеров, и я сейчас попрошу их прийти завтра.

– Это Джейсон.

Мне понадобилась целая минута на то, чтобы осознать, что за дверью сейчас стоит Джейсон Липпинкотт, а не какой-нибудь посыльный мальчик по имени Джейсон и не псих-убийца в хоккейной маске из ужастика (хотя, честно говоря, вероятность увидеть за дверью маньяка гораздо выше вероятности увидеть Джейсона Липпинкотта). Я выключаю воду и хватаю халат. Представить не могу, что Джейсону нужно от меня, а значит, мне придется открыть дверь и спросить. Я плотнее запахиваю халат на голом теле (сейчас бы пригодился пояс!) и, стряхивая с правой ноги мыльную пену, прыгаю к двери.

– Что случилось? – спрашиваю я, открыв дверь.

Я изо всех сил стараюсь вести себя непринужденно, несмотря на наготу под халатом, но забываю о ней, едва взглянув на Джейсона: он в крутых потертых джинсах и в темно-синем кашемировом свитере с V-образным вырезом поверх идеально белой футболки. Глубокий цвет свитера подчеркивает синеву глаз Джейсона, и я вдруг понимаю, почему он получил титул «Самые красивые глаза» на вечеринке в честь окончания прошлого учебного года. Сквозь дверной проем я слышу тонкий запах одеколона, Джейсон даже уложил волосы с помощью какого-то средства, и они теперь выглядят так, будто он только что вышел из аэродинамической трубы!

Во время нашей поездки по городу в автобусе он был одет совсем иначе. Тогда на нем была флисовая толстовка North Face, а кепка с эмблемой Sox прикрывала растрепанную рыжую шевелюру. Единственное, что не изменилось, – это огромный комок виноградной жвачки во рту, из которой Джейсон периодически надувает пузыри.

Пока я стою, изучая его подозрительно изменившуюся в лучшую сторону внешность, Джейсон достает из кармана ручку, снимает с нее колпачок и подносит острие к моему лицу.

– Ты что делаешь?! – возмущенно вскрикиваю я, отталкивая его руку.

– Хочу соединить точки, – отвечает он как ни в чем не бывало.

Я хватаюсь за лицо и смотрю на свою ладонь в желто-зеленую крапинку.

– Крутой мейкап кстати, очень авангардно, – продолжает Джейсон, пока я бегу к раковине, чтобы смыть дурацкий крем от прыщей.

Вместо ответа я решительно возвращаюсь обратно к двери и со всей силы хлопаю ею, совершенно не переживая из-за того, что могу защемить ручку Джейсона, а может, и один-два его пальца. Но он оказывается проворнее меня и подставляет руку, останавливая дверь.

– Хочешь пойти на вечеринку? – спрашивает Джейсон, входя, как будто я не пыталась только что съездить по нему дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.